

Гражданское общество как среда производства и распространения социальных инноваций*

Ирина Краснопольская, Ирина Мерсиянова

Социальные инновации выступают перспективным инструментом гражданского участия в решении социальных задач. Они генерируются активным населением и негосударственными некоммерческими организациями (НКО). Как новая модель взаимодействия гражданского общества с государством социальные инновации повышают способность населения к самоорганизации и действию.

В статье рассматриваются потенциал и вклад российских НКО в развитие социальных инноваций.

Цитирование: Krasnopolskaya I., Mersyanova I. (2014) Civil Society as an Environment for Production and Diffusion of Social Innovation. *Foresight-Russia*, vol. 8, no 4, pp. 40–53.

Ирина Краснопольская — научный сотрудник, Международная лаборатория исследований некоммерческого сектора Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. E-mail: ikrasnopolskaya@hse.ru

Ирина Мерсиянова — директор, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. E-mail: imersianova@hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Ключевые слова

социальные инновации; некоммерческие негосударственные организации; гражданское общество; гражданское участие; социальная сфера; государственная социальная политика

* В статье представлены результаты проекта «Потенциал социальных инноваций в развитии российского гражданского общества, 2014», реализованного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Авторы выражают глубокую признательность Дмитрию Рогозину за сотрудничество и вклад в разработку типологии населения по критериям отношения к некоммерческим негосударственным организациям и Ирине Корнеевой за помощь в проведении статистического анализа.

Наиболее результативным методом прогнозирования изменений в гражданском обществе представляется синтез нормативных представлений и непредвзятого анализа объективных тенденций, характерный для методологии Форсайта [Loveridge, 2009; Schwartz, 1996]. Понятие гражданского общества имеет довольно широкий спектр трактовок [Johns Hopkins University, 2004; Edwards, 2011, p. 7], однако почти всех их объединяет внимание к той сфере, где добровольное сотрудничество людей создает общественные блага.

Для одних авторов понятия «гражданское общество» и «совокупность негосударственных некоммерческих организаций» представляются практически синонимами [Johns Hopkins University, 2004], тогда как другие отчасти противопоставляют их друг другу [Dekker, 2009]. Мы исходим из понимания гражданского общества как сферы человеческой деятельности за пределами семьи, государства и рынка, которая создается индивидуальными и коллективными действиями, нормами, ценностями и социальными связями [Мерсиянова, 2013, с. 173–174].

Будущее гражданского общества можно рассматривать с различных точек зрения, тем не менее отметим целесообразность подобной оценки с позиций функциональности, которая обосновывает его роль в российском модернизационном процессе [Ясин, 2007, с. 19]. Это качество определяется как влиянием внешней среды, так и внутренними факторами. Исследования показали, что в развитии гражданского общества в России преимущественно участвует государство, но и без общественной поддержки его существование немислимо [Минэкономразвития, 2012; Фонд развития гражданского общества, 2013; ГУ–ВШЭ, 2008; Задорин и др., 2009; Волков, 2011].

По нашему мнению, основными параметрами, определяющими возможные сценарии развития гражданского общества в России, являются сила или слабость политики государства в этом направлении, зависящие от степени его воздействия на соответствующие институты, а также уровень общественной активности. Они задают матрицу в двумерной системе координат, из которой следуют четыре сценария применительно к российским условиям (табл. 1).

Формирование гражданского общества по наиболее предпочтительному сценарию ответственной субъектности зависит не только от успешной институционализации его структур и государственной поддержки, но и от степени прямой вовлеченности населения в пре-

одоление общественных проблем. Исходя из этого социальные инновации рассматриваются нами как один из возможных и наиболее перспективных инструментов гражданского участия и межсекторного партнерства в решении социальных задач. Под такими инновациями понимаются новые разработки (продукты, услуги, модели, процессы и т. д.), которые удовлетворяют социальные потребности эффективнее в сравнении с существующими, способствуют развитию межсекторных связей и рациональному использованию ресурсов [European Commission, 2012a]. Являясь новой моделью взаимодействия государства и гражданского общества, социальные инновации обеспечивают повышение способности последнего к самоорганизации и действию.

В статье оцениваются потенциал и реальный вклад российских НКО (называемых также третьим сектором) в развитие социальных инноваций за счет обеспечения соответствующих условий в сфере гражданского общества, отвечающих логике предпочтительного для нашей страны сценария ответственной субъектности. Рассматриваются сущность социальных инноваций и их отличия от рыночных или технологических. Подчеркивается критическая роль гражданского общества и третьего сектора как благоприятной среды для производства социальных инноваций. Приводятся данные о состоянии НКО в России и участии граждан в их деятельности.

Социальные инновации: сущность, специфика

В последнее десятилетие социальные инновации стали одним из значимых акцентов в стратегиях экономического развития США и стран Европейского Союза. В частности, отмечен их позитивный вклад в достижение высокого уровня занятости, социальной защищенности, гендерного равенства; укрепление экономического и социального единства; интеграцию территорий в рамках ЕС [European Commission, 2011, 2012a]. При прямой поддержке администрации президента США с 2009 г. функционирует Фонд социальных инноваций (Social Innovation Fund), который при содействии организаций гражданского общества способствует межсекторному взаимодействию и использует предпринимательские подходы для реализации программ в сфере здравоохранения, поддержки молодежи, создания экономических возможностей.

Однако теоретическое осмысление социальных инноваций, несмотря на их политическую и исследовательскую «популярность», крайне размыто. Практически все научные публикации опираются на слабые теоретические основания, а следовательно операционализация понятия неоднозначна. Имеющаяся литература по рассматриваемой теме может считаться «серой», поскольку она представлена преимущественно отчетами, меморандумами и рекомендациями [Voorberg et al., 2013].

Социальные инновации часто понимаются как спасительное средство для борьбы с социальными вызовами. Политики и ученые ищут новые подходы к решению проблем молодежной безработицы, адаптации мигрантов, территориальной интеграции регионов и т. д. Например, Ева Бунд (Eva Bund) и ее коллеги выделяют свыше 15 различных индек-

Табл. 1. Сценарии развития гражданского общества в России

Общественная активность	Государственная политика содействия развитию институтов гражданского общества	
	Слабая	Активная
Низкая	Глубокая заморозка	Парниковый эффект
Высокая	Взрывной котел	Ответственная субъектность*

* Желаемый сценарий.

Источник: составлено авторами.

сов, в той или иной степени дающих представление о состоянии и развитии социальных инноваций в стране или в межстрановом сравнении [Bund et al., 2013]. Все эти индексы базируются на соответствующих теоретических предпосылках и измеряют конкретные виды социальных инноваций в определенном контексте. По нашему мнению, на этой основе вряд ли возможно сформулировать единый подход к концептуализации социальных инноваций.

В российской литературе социальным инновациям пока не уделяется заметного внимания. Они рассматриваются как один из функциональных видов инноваций наряду с технологическими, организационно-управленческими и информационными [Колосницына, Киселева, 2008]. Исключение составляют отдельные статьи о пользовательских инновациях, предполагающих доработку потребителями продуктов с целью их максимальной адаптации к собственным нуждам [Зайцева, Шувалова, 2011]. При этом инициативы пользователей рассматриваются преимущественно в коммерческом плане с анализом возможных экономических эффектов. Ряд исследований акцентированы на влиянии, оказываемом вовлеченностью населения в инновационные процессы, на повышение качества продуктов и услуг, возникновение новых и расширение традиционных рынков [Там же]. Отдельные авторы обращаются к теме открытых инноваций, по сути, отражающей принципы, на которых основаны социальные инновации. Так, Жан Гине (Jean Guinet) и Дирк Майсснер (Dirk Meissner) анализируют роль государства в открытых инновационных процессах в предпринимательском и государственном секторах науки, взаимодействии с новаторами на принципах децентрализации и сетевой кооперации [Гине, Майсснер, 2012].

С учетом обозначенного ограничения мы рассматриваем понятие социальных инноваций в ключе, аналогичном зарубежным представлениям, уделяя особое внимание их потенциалу в социальной сфере. Впервые «социальные изобретения» (*social inventions*) упоминаются в работах Макса Вебера (Max Weber) [Moulaert et al., 2005, p. 1969], где предпринята попытка осмыслить социальные изменения, вызванные технико-экономическими трансформациями. В 1930-х гг. Йозеф Шумпетер (Josef Schumpeter) ввел понятие «социальных инноваций» в качестве элемента организационной теории [Там же]. Он трактует инновации как процесс созидательного разрушения (*creative destruction*) [Schumpeter, 1942], ведущий к возникновению новых комбинаций существующих ресурсов в политике, бизнесе, искусстве, науке и т. д. В этом смысле они неразделимы с предпринимательством, которое нацелено на изменение либо модификацию существующих социально-экономических соглашений, не способных удовлетворить первичные потребности [Davies et al., 2012; Bekkers et al., 2013, p. 37]. Другими словами, инновации в представлении ранних теоретиков основаны на действии и ведут к эволюционным изменениям в обществе [Kattel et al., 2012, p. 3]. С определенного момента они стали рассматриваться как один из источников экономического роста [Crepaldi et al., 2012].

Создание технологических разработок и результаты их коммерциализации активно изучаются с 1980-х гг. Сегодня большинство индикаторов развития социальных инноваций включают показатели инновационной деятельности в предпринимательском секторе [OECD, 2002; OECD, Eurostat, 2005].

Роль инноваций в экономическом развитии все теснее увязывается с местным социально-культурным контекстом. Признается, что нематериальные переменные — ценности и культура — в значительной мере влияют на инновационную деятельность, производительность науки и экономических институтов [Rubalcaba, 2011, p. 3].

Современные исследователи предлагают различные определения социальных инноваций, каждое из которых отражает их конкретные функции или свойства. Утверждается, что они призваны: удовлетворять потребности общества; отвечать на социальные вызовы (*social challenge*); предлагать новый или значительно улучшенный продукт, процесс, маркетинговый метод или организационную модель, более эффективно отвечающие социальным потребностям в сравнении с существующими опциями; способствовать развитию социальных взаимодействий и созданию альянсов (проект «Social Entrepreneurs as “Lead Users” for Service Innovation», SELUSI) [Stephan, 2010].

Некоторые подходы фокусируются на вкладе гражданского общества в разработку инноваций (проект «SPREAD. Sustainable Lifestyles 2050») [Rijnhout, Lorek, 2011]. В других вариантах социальные инновации обозначаются «от противного». Под ними понимается подгруппа нововведений, которые не основаны на технологических изобретениях, а для их создателей извлечение прибыли не является приоритетом. Инновации направлены на трансформацию социальных отношений и создание новых возможностей. Основным результатом их применения становится изменение социальных практик, но экономические эффекты также не исключаются [Hochgerner, 2011, p. 2]. Речь идет о производстве, распределении общественных благ и услуг, преобразовании способов финансирования и материального производства социально значимых товаров и услуг, институциональных изменениях форм управления, новых способах вовлечения потребителей услуг в их производство [Grimma et al., 2013, p. 7]. Проанализировав различные подходы к определению социальных инноваций, Ева Бунд и ее коллеги предложили наиболее, на наш взгляд, адекватное определение социальных инноваций, учитывающее роль гражданского общества. Социальные инновации представляют собой новые решения, отвечающие социальным потребностям и одновременно создающие новые или улучшенные системы взаимодействия, способствуют эффективному использованию ресурсов и расширению социальных возможностей [Bund et al., 2013]. Таким образом, они производят положительный эффект для общества и вместе с тем повышают его потенциал в плане способностей к действиям [Davies et al., 2012].

Технологические и иные рыночные инновации, как правило, также отвечают социальным потребностям и направлены на улучшение существующих взаимо-

действий. Тем не менее социальные инновации имеют ряд принципиальных отличий. Для их идентификации могут быть использованы несколько критериев [Alcock, Kendall, 2014]. Прежде всего, характеристика «социальные» применительно к инновациям часто трактуется с позиции принадлежности к обществу в целом и любым социальным взаимодействиям, что приводит к известной путанице. На самом деле это определение должно пониматься в контексте социальных услуг. Следующим критерием является наличие социальной потребности, ее высокая актуальность, срочность и общественная легитимность. Только при синхронном соблюдении всех обозначенных условий можно говорить о социальных инновациях.

Отличие социальных инноваций от рыночных наглядно прослеживается на примере стиральной машины, которая представляет собой рыночную инновацию, удовлетворяющую потребность в чистоте. Однако ее нельзя отнести к социальным инновациям, которые отвечают запросам, воспринимаемым как легитимные — соответствующие представлениям об основных правах граждан и безвозмездных, «по определению», общественных благах. Стиральные машины не должны предоставляться бесплатно в отличие, например, от доступа к питьевой воде, медицинской помощи или обеспечения свободы передвижений. Другими словами, рыночные инновации вносят свой вклад в повышение качества жизни, но они не ориентированы специально на удовлетворение основных прав и свобод граждан.

Социальные инновации принято разделять на четыре группы. Так или иначе, аналогичные классификации встречаются в большинстве исследований [Bekkers et al., 2011]. В их составе выделяют: сервисные инновации; инновационные формы производства товаров и услуг; инновационные управленческие решения и право потребителей самостоятельно определять и оценивать значимость производимого социального блага. Ниже представлены характеристики и примеры для каждой из указанных групп.

1. **Сервисные инновации.** Предлагают новые или усовершенствованные услуги для удовлетворения существующих социальных потребностей. Здесь акцент ставится на совместной деятельности заинтересованных сторон в решении той или иной проблемы и на новых способах такой кооперации. При этом предполагается персонифицированный подход (предлагаемые разработки специфичны для конкретной территории и/или группы пользователей) и формируются новые профессиональные компетенции в сфере социальных услуг [Osborne, Brown, 2005; Evers, Ewert, 2012; Crepaldi et al., 2012]. Примером может служить создание новых возможностей на рынке труда для снижения безработицы среди молодежи либо трудоустройства людей с ограниченными возможностями.
2. **Инновационные способы производства.** Имеются в виду гибридные формы организации — социальное предпринимательство, корпоративная социальная ответственность и т. п. Подразумевается активное вовлечение организаций и ресурсов из различных областей [Crepaldi et al., 2012].

В эту группу входят социальные технологические инновации (*civic tech innovations*), которые появляются в результате использования технологий для предоставления новых видов услуг, таких как телемедицина. Заметное место среди социальных технологий занимают разработки, обеспечивающие и упрощающие деятельность сообществ: гражданский краудфандинг, организация местных социальных акций и инициатив, сбор и распространение информации и др. [Patel et al., 2013].

3. **Инновационные формы управления.** Преимущественно связаны с реорганизацией процесса принятия решений, который ранее либо не учитывал интересов всех групп, либо носил несбалансированный характер [Moulaert et al., 2005, p. 1975]. Нововведения заключаются в делегировании части полномочий, например, со стороны государства, новым акторам, в том числе представителям гражданского общества [Moore, Harley, 2008, p. 18].
4. **Право потребителей самостоятельно определять и оценивать значимость производимого социального блага** [Grimma et al., 2013, p. 17]. Поощряются совместное принятие решений, привлечение новых источников финансирования и расширение круга участников. Так, концептуальные инновации предлагают новые парадигмы решения социальных задач, в частности изменение подхода к социальной работе путем включения лиц с ограниченными возможностями в рабочий процесс. Новизна кроется в том, что отправной точкой во взаимодействии оказывается не та деятельность, которую человек не может осуществлять, а его принципиальная трудоспособность и функции, которые он в силах выполнять. Иными словами, в центре внимания — трудовой потенциал, а не ограниченные возможности.

Существующие проекты по изучению социальных инноваций чаще всего относятся к нескольким исследовательским областям (табл. 2). В первую очередь они затрагивают вопросы социальной интеграции, а также инноваций в государственном управлении. Кроме того, объектом исследования часто оказываются социальные изменения, социальная инфраструктура, образование и здравоохранение, рынок труда для молодежи и граждан с ограниченными возможностями. В ряде случаев уделяют внимание сетевой организационной структуре, коммуникациям, социальному участию и предпринимательству. Вместе с тем, гражданская активность и социальный капитал практически не встречаются в практике изучения социальных инноваций.

Выделим базовые теоретические элементы понятия социальных инноваций, по которым среди специалистов достигнуто относительное согласие. Прежде всего, социальные инновации предлагают новые и долгосрочные решения, ориентированные на актуальные потребности населения [Kattel et al., 2012]. По своим эффектам они могут превосходить технологические инновации, удовлетворяя легитимные общественные социальные потребности и создавая новые ценности, которые воспринимаются обществом как значимые.

Табл. 2. **Примеры международных инициатив по измерению инноваций**

Объект исследования	Наименование инициативы	Литература
Межстрановые сопоставления инновационного потенциала государств	Innovation Union Scoreboard	[European Commission, 2014]
	Global Innovation Index	[INSEAD, 2012]
	Nordic Innovation Monitor	[Nordic Council of Ministers, 2009]
Инновации в государственном секторе	European Public Sector Innovation Scoreboard	[Bloch, 2010]
	Australian Public Sector Innovation Indicators	[DIISR, 2011]
	Measure Public Innovation in the Nordic Countries; Innovation in Public Sector Organisations	[Hughes et al., 2011]
Экономические инновации	Global Entrepreneurship Monitor	[Kelley et al., 2012]
	OECD Science, Technology and Industry Scoreboard	[OECD, 2011]
	Measuring sectoral innovation capability in nine areas of the UK economy	[Roper et al., 2009]

Источник: составлено авторами.

В этом смысле социальные инновации являются частью институционального развития и одним из факторов изменений в обществе [Eurofound, 2013, р. 6]. Они предлагают более действенные решения, чем традиционные варианты [European Commission, 2012b, р. 18]. Например, службы «одного окна» или многофункциональные центры имеют очевидные преимущества в сравнении с децентрализованной моделью предоставления муниципальных услуг различными учреждениями. Подобные инновации приводят к значительному и иногда неожиданному перераспределению существующих моделей взаимодействия стейкхолдеров в решении социальных вопросов [Osborne, Brown, 2005]. Представляя собой открытый процесс, они стимулируют вовлечение представителей заинтересованных сторон в обмен опытом, знаниями, навыками и ресурсами при производстве востребованного продукта [Bekkers et al., 2013].

В подобном контексте часто говорят о сопроизводстве (*co-production*) социальных или пользовательских (*user driven*) инноваций совместными усилиями участников сети [Verschuere et al., 2012, р. 1084]. Этот процесс основан на взаимодействии между государственными, волонтерскими и некоммерческими организациями, местными общественными объединениями либо отдельными гражданами с целью повышения качества социальных услуг. В нем добровольно участвуют служащие государственных организаций, частные лица или группы граждан. Вовлеченность последних продиктована потребностью в создании новых услуг либо повышении качества существующих. Отличием от «традиционного» волонтерства в данном случае является факт предоставления персонализированных благ, конечными потребителями которых оказываются сами волонтеры [Verschuere et al., 2012, р. 1085].

Социальные инновации в основном производятся и распространяются в сервисном секторе, организационной и управленческой деятельности (*governance*). Последняя весьма значима, поскольку от характера государственного управления, в частности — социальной сферой, зависит наличие «свободного места» для функционирования структур, способных производить социальные инновации. С теоретической точки зрения инновации являются гибридным концептом [Dekker, 2009], предполагающим, как уже отмечалось выше,

взаимодействие государства, гражданского общества и рынка в целях удовлетворения актуальных и легитимных социальных потребностей.

Наконец, потенциал гражданского участия в сопроизводстве социальных услуг часто называют основой социальных инноваций [Moore, Harley, 2008, pp. 8, 10]. Будучи вовлеченными в текущие интересы населения, организации гражданского общества выступают естественной средой производства таких инноваций. Рассмотрим данный тезис более детально.

Третий сектор как благоприятная среда развития социальных инноваций

Существующие теории противопоставляют третий сектор рынку и государству, подчеркивая его компенсаторную роль в восполнении пробелов со стороны последних. Признается, что НКО более чувствительны к сигналам от граждан. «Некоммерческие организации являются приоритетным механизмом представительства разнообразных ценностей социальных групп, выражения религиозных, идеологических, политических, культурных, социальных и других взглядов» [Anheier, 2005, р. 174]. Особую значимость НКО приобретают в качестве инструмента для аккумуляции и представительства интересов той части населения, которая оказывается в трудных жизненных обстоятельствах и потребности которой слабо учитываются государством или бизнесом.

Структурные характеристики и особенности организаций третьего сектора обеспечивают ему преимущество перед властными или коммерческими кругами в создании более благоприятной среды для инновационных решений [Vedres, Stark, 2010; Rogers, 2003; Archibugi, Iammarino, 2002]. Среди этих характеристик:

1. Аккумуляция стейкхолдеров: НКО могут создавать комплексные сети горизонтальных связей и вовлекать в них представителей различных социальных групп, которые ранее не взаимодействовали друг с другом либо их коммуникация носила иерархический характер.
2. Деятельность НКО отвечает ценностям и устремлениям конкретного локального сообщества и в этом плане может обладать большей релевантностью для местного населения, чем деятельность «внешних» государственных или коммерческих

организаций. В результате можно ожидать усиления вовлеченности граждан и обратной связи с их стороны по отношению к подобным структурам.

3. Диверсификация ресурсов, включая финансовые, информационные и человеческие, главным образом за счет волонтерской деятельности, позволяет достичь стабильности. Волонтеры играют ключевую роль в создании социальных инноваций, поскольку служат дополнительным связующим звеном между НКО и обществом, его ценностями, задачами и потребностями, будучи «мозговыми центрами», носителями знаний и компетенций [Brandsen et al., 2010]. Посредством этой «связки» в местном сообществе фактически поддерживается и повышается валидность деятельности НКО.

В табл. 3 отражены перспективы развития социальных инноваций в зависимости от интенсивности гражданского участия и масштабов третьего сектора. Предложенная схема свидетельствует о вкладе развитого третьего сектора в продвижение социальных инноваций путем создания возможности для реализации и последующего распространения новых идей и подходов, инициированных гражданами. Нельзя утверждать, что последние безусловно ориентированы на инновационную деятельность и готовы самостоятельно реализовать новаторские идеи, улучшающие социальную ситуацию в обществе в целом либо на локальном уровне. Если проводить параллель с долей граждан, которых можно рассматривать как потенциальных предпринимателей (в возрасте от 18 до 64 лет, еще не начавших свой бизнес, но позитивно оценивающих собственные предпринимательские способности и сложившуюся конъюнктуру), то их численность в нашей стране незначительна. В 2012 г. только 3% россиян соответствовали определению «потенциальные предприниматели» [Верховская, Дорохина, 2012]. Хотя точные замеры не проводились, можно предположить, что доля реальных «социальных новаторов» еще ниже. Общими здесь являются не столько конкретные намерения открыть свой бизнес, сколько оценка собственных способностей к производству новых, востребованных идей или продуктов.

НКО действуют как проводники новых идей в социальной сфере. Располагая соответствующими организационными, экспертными, а иногда и финансовыми ресурсами, они тестируют работоспособность предлагаемых населением решений на практике и способствуют их дальнейшему распространению.

Проанализируем вовлеченность населения в практику гражданского общества, текущее состояние и потенциал российского третьего сектора как опти-

мальной среды для поддержки и производства социальных инноваций.

Источники информации

Эмпирической основой нашего анализа послужили результаты обследования НКО (2012 г.) и опросов населения, проведенных в общероссийском масштабе Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в рамках мониторинга состояния гражданского общества. Сбор информации об НКО осуществлялся ООО «MarketUp» методом личного опроса руководителей этих организаций по полуформализованной анкете. Отбор респондентов проводился на основе региональных реестров НКО и общественных объединений с использованием репрезентативных квот по организационно-правовым формам и годам регистрации. В выборку вошли 1005 организаций из 33 регионов страны, отобранных исходя из их классификации по следующим показателям:

- индексу урбанизации;
- степени развитости некоммерческого сектора (в количественном выражении);
- индикатору экономического развития, оцениваемому по величине валового регионального продукта в расчете на душу населения в сравнении со средним значением по России.

Респонденты отбирались механическим способом. Не более двух третей из общего их числа в каждом регионе были опрошены в административном центре (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга).

Опросы населения (2011–2013 гг.) проведены Фондом «Общественное мнение» посредством формализованного личного интервью по месту жительства. Выборка охватила 2000 респондентов, отобранных с учетом репрезентативности социально-демографических характеристик — возраста, пола, типа населенного пункта и пропорциональной представленности по образованию и социально-профессиональной принадлежности. Статистическая погрешность полученных данных не превышала 3,4%.

Третий сектор как движущая сила развития социальных инноваций в России

Третий сектор составляют неформальные волонтерские объединения граждан и НКО, отвечающие определенным признакам: это должна быть формальная самоуправляющаяся структура, действующая на добровольной основе, независимая от органов государственного управления и не распределяющая прибыль между членами и учредителями [Salamon, Anheier, 1997; Johns Hopkins University, 2004].

Выявить потенциал НКО как благоприятной среды производства и внедрения инноваций в социальную сферу представляется возможным на основе эмпирических данных, получаемых в рамках проводимого НИУ ВШЭ мониторинга состояния гражданского общества. В этом исследовании оцениваются численность некоммерческих организаций, их устойчивость, способность к мобилизации волонтерской деятельности, а также заявленные населением варианты своего участия в работе этих структур.

Табл. 3. **Возможные варианты развития социальных инноваций**

Развитость (масштаб) третьего сектора	Гражданское участие	
	Слабое	Активное
Небольшой	Слабое развитие	Среднее развитие
Значительный	Среднее развитие	Интенсивное развитие

Источник: [Anheier et al., 2014].

Достоверные данные о численности неформальных объединений отсутствуют: официальная статистика насчитывает порядка 434 тыс. НКО, но задача выявления их фактического количества остается актуальной. Согласно результатам национального обследования, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2007 г., доля реально действующих НКО в общей численности официально зарегистрированных составляла не более 38% [Мерсиянова, Якобсон, 2007].

Субъектная роль этих и других добровольных альянсов подразумевает наличие у них определенных свойств. В частности, выделяются три признака коллективного субъекта [Журавлев, 2002, с. 64–70]:

- взаимосвязанность членов;
- совместная активность;
- групповая саморефлексивность, отражающая представления о целях и смыслах существования группы, ее ценностях, идеалах и запретах, истории становления, достижениях и ошибках, потенциальных возможностях и притязаниях.

Однако субъектность таких организаций и групп может ослабляться влиянием неблагоприятных внешних и внутренних факторов. Приведем несколько эмпирических примеров.

Данные всероссийского обследования, выполненного в 2012 г., свидетельствуют, что НКО в своей массе экономически слабы и нередко находятся на грани выживания. Более чем у трети из них (37%) отсутствуют сотрудники, работающие на условиях полной занятости. Доля НКО, вынужденных обходиться минимальным штатным персоналом (от одного до пяти человек), составляет 31%, среди них 14% имеют одного-двух постоянных сотрудников. Не лучше обстоят дела и с привлечением добровольцев: лишь 41% организаций имеют по 10 и более волонтеров, а 31% вообще не привлекают их к своей работе. Приведенные на рис. 1 цифры показывают, что лишь пятая часть НКО в це-

лом располагает средствами для осуществления планов, тогда как почти такая же их доля балансирует на грани выживания, действуя исключительно на энтузиазме, а большинство в той или иной степени испытывают нехватку ресурсов.

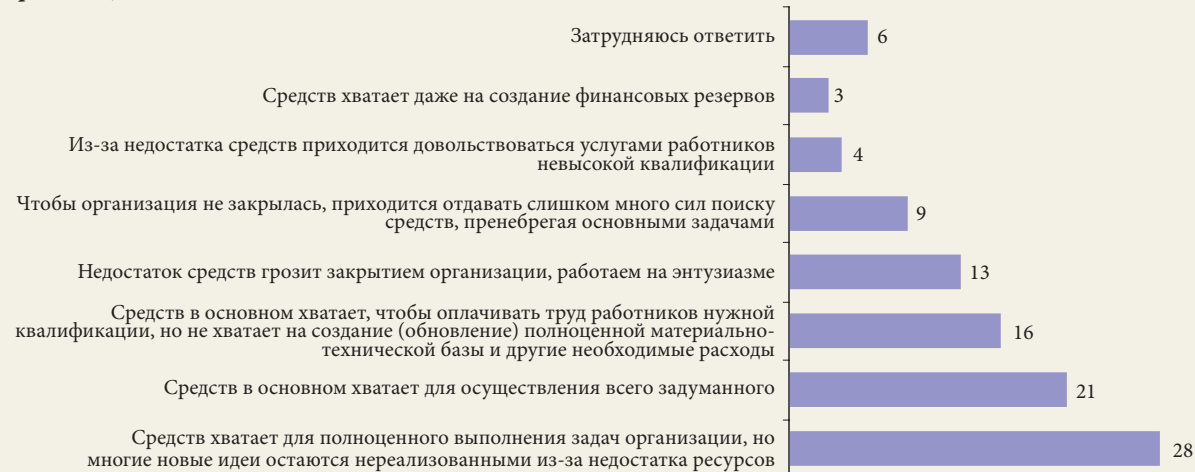
Способность НКО служить формальными каналами мобилизации общественной активности пока невелика. Лишь 3% россиян декларируют свое участие в их деятельности в качестве добровольцев (0.42% экономически активного населения в пересчете на полную занятость) и только 1–2% указывают какие-либо организации в качестве посредников благотворительной деятельности. Большинство же предпочитают обеспечивать нуждающихся прямыми денежным пожертвованиями или предоставлять им милостыню [ГУ–ВШЭ, 2010, с. 233].

Стоит отметить, что степень осведомленности граждан о деятельности общественных и других негосударственных НКО в их населенных пунктах достаточно высока. Только 24% респондентов признались, что не знают ни о каких из них, еще 3% «затруднились ответить». Несмотря на высокий уровень информированности, вовлеченность россиян в деятельность НКО остается низкой: только 16% опрошенных участвуют в работе каких-либо общественных объединений. Результаты СНАИД-анализа¹ демонстрируют, что в различных социально-демографических группах этот показатель заметно отличается от приведенного среднего. Чаше других в деятельности НКО принимали участие следующие категории:

- неработающие пенсионеры с высшим образованием (20%);
- неработающие пенсионеры со средним специальным образованием, проживающие в городах-миллионниках (25%);
- наемные работники с высшим образованием (26%), в первую очередь в возрасте от 46 лет и старше (32%) и от 31 до 45 лет (26%);

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о текущем экономическом положении некоммерческих организаций (% от общего числа опрошенных, n = 1005)

Вопрос руководителям некоммерческих организаций: «Как бы Вы оценили экономическое положение вашей организации на сегодняшний день?»

Источник: расчеты авторов.

¹ Методика анализа подробно описана в работе [Мерсиянова, Корнеева, 2011, с. 22].

Рис. 2. Социальная типология населения по нормативным установкам и ожиданиям фактического участия в некоммерческих организациях к 2020 г. (% от общего числа опрошенных)

Большинство россиян будет участвовать в некоммерческих организациях к 2020 году

		да	нет, не знаю
Участие в некоммерческих организациях необходимо	да	Социальные оптимисты 25	Морализаторы 35
	нет, не знаю	Лояльные оппортунисты 7	Социальные оппортунисты 33

Источник: расчеты авторов.

- студенты, наемные работники с уровнем образования не выше среднего, проживающие в городах с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн чел. (23%).

Ожидания по поводу перспектив участия граждан в НКО для решения собственных проблем, помощи другим людям и контроля действий властей находятся на среднем уровне. Сорок процентов опрошенных уверены, что россияне в такой деятельности не станут принимать участие, 31% полагают, что к 2020 г. большинство будут работать в общественных, религиозных, благотворительных и других негосударственных некоммерческих организациях.

Взяв за основу два аспекта, отражающих отношение к НКО², а именно признание необходимости участия в их деятельности и прогнозы степени вовлеченности населения, можно построить социальную типологию последнего. По главной диагонали располагаются логически последовательные группы — социальные оптимисты и оппортунисты, по второй — группы с более полярными представлениями о долженствовании и перспективах (рис. 2).

Социальные оптимисты, высказывающиеся не только за участие в некоммерческих организациях, но и прогнозирующие его активизацию (большинство населения к 2020 г.), составляют четверть опрошенных. Их можно считать реальной целевой группой для третьего сектора и потенциальным ядром социальной базы гражданского общества.

Третья часть населения относится к категории социальных оппортунистов, считающих нецелесообразными как саму вовлеченность в рассматриваемую деятельность, так и свое участие в ней. Вряд ли в ближайшее время от них следует ожидать какой-либо поддержки в развитии гражданского общества.

Немногим более трети опрошенных (35%) относятся к самой инертной категории морализаторов, соглашающихся с необходимостью участия в неком-

мерческих организациях, но отрицающих возможность его активизации в будущем. Формально поддерживая предлагаемые инициативы, они не видят потенциала для их реализации. Тем самым воспроизводится давно отмеченная социологами двойственная структура общественного сознания, приводящая к различению того, о чем говорится, от того, что делается. Эта категория, при всей лояльности к реформаторской риторике, составляет наибольшую опасность для любых преобразований, поскольку уход в «спираль молчания» [Ноэль-Нойман, 1996] создает основу для воспроизводства пассивного, граждански инертного большинства.

Лояльные оппортунисты, составившие всего 7% респондентов, не видят смысла в участии в деятельности НКО, однако считают, что к 2020 г. оно получит широкое распространение. Рассогласование в фактическом и ожидаемом поведении может привести к формальным декларациям гражданских позиций при полном нигилизме в отношении социально-демократических ценностей.

Таким образом, оценка возможностей организаций гражданского общества влиять на достижение стратегических целей развития страны до 2020 г. находится на невысоком уровне. На фоне осознания весомого авторитета государственных структур отделенный от них третий сектор, скорее всего, будет считаться несостоятельным и недееспособным с точки зрения решения стратегических вопросов. Поэтому важнейшими условиями включения общественности в производство социальных инноваций становятся формирование положительных установок, связанных с участием в социальных практиках гражданского общества, и широкое распространение его ценностей.

В настоящее время доля взрослого населения, которое не занималось общественными делами, немного выше, чем тех, кому приходилось проявлять общественную активность (53 и 42% соответственно). Как правило, распространено участие в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъезда, двора, города (села, поселка) — этим занимались 28% респондентов. Второй по частоте упоминаний вариант — проявление активности на собраниях жильцов дома или подъезда (18%) — тоже можно отнести к вовлеченности в самоорганизацию по месту жительства. Остальные виды деятельности назывались существенно реже: по 4–7% публично высказывали свое мнение в Интернете, организовывали коллектив для решения личной либо общественной проблемы, помогали оказавшимся в сложной ситуации. Реже всего респонденты собирались на мирные демонстрации, акции протеста, митинги, пикеты, публичные слушания (по 2–3%). Самыми общественно пассивными оказались пожилые люди, лица с низким уровнем образования и доходов, а также москвичи и жители сел.

На вовлеченность россиян в общественно полезные виды деятельности влияют установки на доверие, объединение, взаимопомощь и т. д. Так, считающих,

² Первый вопрос — о должном и граждански оправданном поведении: «В развитых странах большинство граждан участвует в работе общественных, религиозных, благотворительных и других негосударственных некоммерческих организаций, чтобы совместно решать свои проблемы и помогать другим людям, а также контролировать действия властей. По Вашему мнению, нужно или не нужно, чтобы в этом отношении ситуация в России стала такой же, как в развитых странах?». Второй — о предположении реального участия в третьем секторе: «По Вашему мнению, к 2020 г. большинство россиян будет или не будет участвовать в работе общественных, религиозных, благотворительных и других негосударственных некоммерческих организаций для решения своих проблем и помощи другим людям, а также для контроля за действиями властей?».

что людям можно доверять, примерно в пять раз меньше, чем полагающих, что в отношениях с ними следует быть осторожными (соответственно 17 и 80%). Несмотря на то, что представители отдельных социально-демографических групп более открыты, установка на осторожность в контактах с посторонними преобладает во всех группах.

Наши исследования подтверждают известную закономерность: сокращение социальной дистанции ведет к повышению уровня доверия. Граждане значительно чаще предпочитают доверять личному окружению, чем иным людям (58 против 17%). К доверию более склонны представители высокоресурсных групп (с высшим образованием, материально обеспеченные, специалисты, жители крупных городов), а также те, кто демонстрирует общественную активность и уверен в завтрашнем дне. Чаще проявляют недоверчивость представители маргинальных, депривированных групп, например, не ощущающие себя гражданами страны, живущие за чертой бедности, безработные, ожидающие ухудшений в личной и общественной жизни. Полагающих, что в обществе преобладают несогласие и разобщенность, в четыре с половиной раза больше, чем убежденных в доминировании согласия и сплоченности (77 и 17% соответственно). К последним относятся прежде всего молодые люди; напротив, разногласия чаще отмечают пожилыми.

Относительно сплоченности подтвердилась та же закономерность, которая была выявлена при анализе вопросов о доверии: сокращение социальной дистанции увеличивает долю тех, кто высказывается в пользу преобладания согласия и сплоченности, более чем втрое (58% в вопросе об окружении респондентов против 17% в отношении общества в целом).

Наиболее тесные связи выстраивают молодежь и представители высших слоев общества, обладающие ресурсами и социальным статусом, например руководители, специалисты.

Характерно, что в пользу превалирования согласия и сплоченности среди близких людей чаще высказывались верующие, вовлеченные в жизнь церковной общины, и активные пользователи Интернета. О наличии несогласия, разобщенности в ближайшем окружении обычно говорили пожилые, неимущие, безработные и люди с самым низким уровнем образования.

Мнения о готовности к взаимной помощи разделяются. Шире распространено представление, что она встречается редко (52%). Несколько меньше — 42% — тех, кто считает взаимопомощь распространенным явлением. Различия в оценках определяются тем же набором факторов, который был описан выше. Следует отметить наличие взаимосвязи между вопросами о доверии, согласии, готовности помогать, особенно если речь идет о круге непосредственного общения респондентов. Те, кто доверяет людям, чаще замечают их готовность помогать друг другу, а респонденты, считающие взаимопомощь распространенным явлением, — проявления согласия и сплоченности. Готовность объединяться с другими выразили две трети взрослых россиян (63%), а противоположной настрой — примерно четверть (24%). Большее стремление к объединению демонстрирует молодежь, тогда как пожилые

люди, наоборот, не желают консолидироваться с кем бы то ни было. Зачастую о наиболее низкой и максимально высокой склонности к объединению заявляли представители контрастных групп. Это касается не только возраста, но и образования, материального положения, принадлежности к отдельным социальным слоям, оценки жизненных перспектив. У москвичей готовность к объединению существенно ниже, чем у жителей других городов-миллионников (соответственно 54 и 70%).

С учетом слабости институциональной структуры гражданского общества и неформального характера включенности россиян в его практическую работу предстоит критически осмыслить возможности развития социальных инноваций в контексте сценария ответственной субъектности [ГУ–ВШЭ, 2010].

Заключение

Благодаря своим характеристикам социальные инновации заслуживают самого пристального внимания как новый инструмент развития гражданского общества и реализации желаемого сценария ответственной субъектности. Вместе с тем, именно сильные стороны социальных инноваций одновременно ограничивают возможности их практического применения в России. Третий сектор пока нельзя назвать институционально зрелым и готовым к производству и распространению социальных инноваций.

Проведенный нами анализ позволил выявить слабые стороны рассматриваемой сферы, ее инфраструктуры и существующих инструментов вовлечения граждан в производство инновационных социальных решений. Несмотря на многочисленные примеры новаторских инициатив в социальной сфере, инициированных и развиваемых как отдельными гражданами, так и некоммерческими организациями [Некоммерческий фонд, 2013; Агентство социальной информации, 2011], они носят скорее разрозненный характер. Для повышения их жизнеспособности и тиражируемости требуются дополнительные усилия. При этом нельзя отрицать стремление организаций российского третьего сектора решать социальные проблемы вместе с государством. Подавляющее большинство руководителей НКО (86%) в той или иной мере считают, что их организации должны подключиться к преодолению существующих проблем в образовании, здравоохранении, культуре. Высказывается надежда на то, что субъекты третьего сектора внесут определенный вклад в эффективное решение текущих социальных задач. Восприятие этих структур как поставщика социальных услуг постепенно усиливается — 79% населения разделяют мнение о необходимости участия НКО в активной общественной деятельности.

В способности производить социальные инновации отечественный третий сектор пока намного уступает и европейскому, и американскому. Однако динамика его развития и поддерживающая государственная политика хотя и носят противоречивый характер, но в целом демонстрируют положительный вектор. Задача последней — создать благоприятные условия для НКО и тем самым укрепить их роль проводника инновационных изменений в социальной сфере. ■

- Агентство социальной информации (2011) Социально ориентированные НКО: лучшие практики (практическое пособие). М.: Агентство социальной информации.
- Верховская О.Р., Дорохина М.В. (2012) Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2012». СПб.: ВШМ СПбГУ.
- Волков Д. (2011) Рост общественной активности в России: становление гражданского общества или очередной тупик? // Вестник общественного мнения. № 2(108). С. 8–28.
- Гине Ж., Майсснер Д. (2012) Открытые инновации: эффекты для корпоративных стратегий, государственной политики и международного «перетока» исследований и разработок // Форсайт. Т. 6. № 1. С. 26–36.
- ГУ-ВШЭ (2008) Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Под ред. Л.И. Якобсона. М.: «Вершина».
- ГУ-ВШЭ (2010) Потенциал и пути развития филантропии в России / Под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: ГУ-ВШЭ.
- Журавлев А.Л. (2002) Некоторые признаки группового субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ. С. 64–70.
- Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Римский В.Л. (2009) Краткосрочное сценарное прогнозирование развития гражданского общества в России: Итоговый аналитический доклад. М.: АНО «Социологическая мастерская Задорина». Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3b9/090530.pdf>, дата обращения 13.06.2013.
- Зайцева А.С., Шувалова О.Р. (2011) Новые акценты в развитии инновационной деятельности: инновации, инициируемые пользователями // Форсайт. Т. 5. № 2. С. 16–32.
- Колосницына М.Г., Киселева В.В. (2008) Государственное регулирование инновационной сферы. М.: ГУ-ВШЭ.
- Мерсиянова И.В. (2013) Доверие и недоверие в гражданском обществе // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Под ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. М.: НИУ ВШЭ. С. 170–197.
- Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. (2011) Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. М.: НИУ ВШЭ.
- Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. (2007) Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. М.: ГУ-ВШЭ.
- Минэкономразвития (2012) Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. М.: Министерство экономического развития России. Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04, дата обращения 28.06.2014.
- Некоммерческий фонд (2013) Лучшие практики социально ориентированных НКО Ярославской области — 2013. Некоммерческий фонд содействия развитию гражданского общества. Режим доступа: http://csp-yar.ru/images/stories/files/spravochnik_nko.pdf, дата обращения 24.03.2014.
- Ноэль-Нойман Э. (1996) Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс Академия, Весь Мир.
- Фонд развития гражданского общества (2013) Третий сектор в России: текущее состояние и возможные модели развития. М.: Фонд развития гражданского общества. Режим доступа: http://civilfund.ru/mat/view/20#_ftnref9, дата обращения 08.06.2013.
- Ясин Е. (2007) Модернизация и общество // Вопросы экономики. № 5. С. 4–29.
- Alcock P., Kendall J. (2014) Innovation or Isomorphism? Tensions and Paradoxes in Third Sector Organisational Development. Paper presented at the 11th International ISTR Conference, July 22–25, Muenster, Germany.
- Anheier H.K. (2005) Nonprofit organizations: Theory, management, policy. London: Routledge.
- Anheier H.K., Krlev G., Preuss S., Mildenerger G., Bekkers R., Mensink W., Bauer A., Knapp M., Wistow G., Hernandez A., Bayo A. (2014) Social Innovation as Impact of the Third Sector (A deliverable of the project “Impact of the Third Sector as Social Innovation” (ITSSOIN), European Commission – 7th Framework Programme). Brussels: European Commission.
- Archibugi D., Iammarino S. (2002) The Globalization of Technological Innovation: Definition and Evidence // Review of International Political Economy. Vol. 9. № 1. P. 98–122.
- Bekkers V., Edelenbos J., Steijn B. (2011) Innovation in the Public Sector: Linking Capacity and Leadership (Governance and Public Management). New York, Palgrave MacMillan.
- Bekkers V., Tummers L., Stuijzand B., Voorberg W. (2013) Social Innovation in the Public Sector: An Integrative Framework (LIPSE Working Paper № 1). Rotterdam: Erasmus University Rotterdam.
- Bloch C. (2010) Measuring Public Innovation in the Nordic Countries: Copenhagen Manual. Aarhus: The Danish Centre for Studies in Research and Research Policy.
- Brandens T., Dekker P., Evers A. (eds.) (2010) Civicness in the Governance and Delivery of Social Services. Baden-Baden: Nomos Publishers.
- Bund E., Hubrich D.-K., Schmitz B., Mildenerger G., Krlev G. (2013) Paving the Way to Measurement — A Blueprint for Social Innovation Metrics. A Short Guide to the Research for Policy Makers (A deliverable of the project: “The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe” (TEPSIE), European Commission — 7th Framework Programme). Brussels: European Commission, DG Research.
- Crepaldi C., De Rosa E., Pesce F. (2012) Literature Review on Innovation Social Services in Europe (InnoServ — Innovative Social Services Platform Project Report). Brussels: European Commission.
- Davies A., Caulier-Grice J., Norman W. (2012) Introduction to Innovation: A Literature Review of the Methods and Policies for Innovation (A deliverable of the project: “The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe” (TEPSIE), European Commission — 7th Framework Programme). Brussels: European Commission, DG Research.
- Dekker P. (2009) Civicness: From civil society to civic services? // Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations. Vol. 20. № 3. P. 220–238.
- DIISR (2011) Working towards a measurement framework for public sector innovation in Australia. A draft discussion paper for the Australian Public Sector Innovation Indicators Project. Canberra: Department of Innovation, Industry, Science and Research Australia.

- Edwards M. (2011) Introduction: Civil society and the geometry of human relations // The Oxford handbook of civil society / Ed. M. Edwards. Oxford University Press.
- Eurofound (2013) Social innovation in service delivery: New partners and approaches. Dublin: European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions.
- European Commission (2011) Empowering people, driving change: Social innovation in the European Union. Luxemburg: Publications of the European Union.
- European Commission (2012a) Europe 2020: Europe's growth strategy. Brussels: European Commission.
- European Commission (2012b) The Young Foundation, Social Innovation Overview (A deliverable of the project: "The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe" (TEPSIE), European Commission – 7th Framework Programme). Brussels: European Commission, DG Research.
- European Commission (2014) Regional Innovation Scoreboard. Brussels: European Commission.
- Evers A., Ewert B. (2012) Social Innovations for Social Cohesion. On Concepts and First Findings of a Cross-country Study. Paper presented at 10th Annual ESPAnet conference, September 6-8, Edinburgh, UK.
- Grimma R., Foa C., Baines S., Albertson K. (2013) Social innovation, an answer to contemporary societal challenges? Locating the concept in theory and practice // Innovation: The European Journal of Social Science Research. Vol. 26. № 4. P. 436–455.
- Hochgerner J. (2011) Social Innovation. A Call for Broadening of the Innovation Paradigm. Paper presented at the Capacity Building on Social Innovation Research and Management in South East Europe Conference, May 4. Режим доступа: https://www.zsi.at/object/publication/1598/attach/Hochgerner_Ohrid_03-05-2011.pdf, дата обращения 15.10.2014.
- Hughes A., Moore K., Kataria N. (2011) Innovation in Public Sector Organisations: A pilot survey for measuring innovation across the public sector. London: NESTA.
- INSEAD (2012) The Global Innovation Index 2012. Stronger Innovation Linkages for Global Growth / Ed. S. Dutta. Fontainebleau: INSEAD.
- Johns Hopkins University (2004) Global civil society: Dimensions of the nonprofit sector (vol. 2) / Eds. L.M. Salamon, H.K. Anheier, R. List, S. Toepfer, S.W. Sokolowski. Bloomfield: Kumarian Press.
- Kattel R., Cepilovs A., Drechsler W., Kalvet T., Lember V., Tönurist P. (2012) Can we measure public sector innovation? A literature review (LIPSE Project Paper. WP 6 Social innovation indicators). Tallinn: Tallinn University of Technology.
- Kelley D.J., Singer S., Herrington M. (2011) Global Entrepreneurship Monitor (GEM) Global Report 2011. Global Entrepreneurship Research Association.
- Loveridge D. (2009) Foresight: The Art and Science of Anticipating the Future. New York, London: Routledge.
- Moore M., Harley J. (2008) Innovations in Governance // Public Management Review. Vol. 10. № 1. P. 3–20.
- Moulaert F., Martinelli F., Swyngedouw E., Gonzalez S. (2005) Towards Alternative Model(s) of Local Innovation // Urban Studies. Vol. 42. № 11. P. 1969–1990.
- Nordic Council of Ministers (2009) Nordic Innovation Monitor 2009. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, FORA.
- OECD (2002) Frascati Manual: Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development. Paris: OECD.
- OECD (2011) Science, Technology and Industry Scoreboard 2011. Paris: OECD.
- OECD, Eurostat (2005) Oslo Manual: Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data. Paris: OECD, Eurostat.
- Osborne S., Brown K. (2005) Managing change and innovation in public service organizations. London: Routledge.
- Patel M., Sotsky J., Gourley S., Houghton D. (2013) The Emergence of Civic Tech: Investments in a Growing Field. Miami, FL: Knight Foundation. Режим доступа: http://www.knightfoundation.org/media/uploads/publication_pdfs/knight-civic-tech.pdf, дата обращения 04.06.2014.
- Rijnhout L., Lorek S. (2011) EU Sustainable lifestyles roadmap and Action Plan 2050. Pathways for enabling social innovation and behaviour change. Brussels: European Commission. Режим доступа: <http://www.sustainable-lifestyles.eu/fileadmin/images/content/Roadmap.pdf>, дата обращения 20.10.2014.
- Rogers E.M. (2003) Diffusion of Innovations (5th ed.). New York: Free Press.
- Roper S., Hales C., Bryson J.R., Love J. (2009) Measuring sectoral innovation capability in nine areas of the UK economy. Report for NESTA Innovation Index project. London: NESTA.
- Rubalcaba L. (2011) The challenges for service innovation and service innovation policies // Promoting Innovation in the Services Sector. Review of Experiences and Policies. New York, Geneva: United Nations. P. 3–29.
- Salamon L.M., Anheier H.K. (1997) Defining the nonprofit sector: A cross national analysis. Manchester: Manchester University Press.
- Schumpeter J.A. (1942) Capitalism, socialism and democracy (1st ed.). New York: Harper.
- Schwartz P. (1996) The Art of the Long View. New York: Doubleday.
- Stephan U. (2010) Innovation in European Social Enterprises. Preliminary Findings from the SELUSI survey. Brussels: European Commission. Режим доступа: http://www.uis.no/getfile.php/Forskning/Senter%20for%20Innovasjonsforskning/stephan_Innovation_in_SE_7-june-2010.pdf, дата обращения 20.10.2014.
- Vedres B., Stark D. (2010) Structural Folds: Generative Disruption in Overlapping Groups // American Journal of Sociology. Vol. 115. № 4. P. 1150–1190.
- Verschuere B., Brandsen T., Pestoff V. (2012) Co-production: The State of the Art in Research and the Future Agenda Co-production of Public Services // Voluntas. Vol. 23. P. 1083–1101.
- Voorberg W., Bekkers V., Tummers L. (2013) Co-creation and Co-production in Social Innovation: A Systematic Review and Future Research Agenda. Paper presented at the EGPA Conference, Edinburgh, September 11–13. Режим доступа: <http://lipse.org/userfiles/uploads/Co-creation%20and%20Co-production%20in%20Social%20Innovation%20-%20a%20Systematic%20Review%20and%20Research%20Agenda,%20Voorberg,%20Bekkers%20&%20Tummers.pdf>, дата обращения 27.05.2014.

Civil Society as an Environment for Production and Diffusion of Social Innovation

Irina Krasnopolskaya

Research Fellow, International Laboratory for Nonprofit Sector Studies, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector. E-mail: ikrasnopolskaya@hse.ru

Irina Mersiyanova

Director, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector. E-mail: imersianova@hse.ru

National Research University — Higher School of Economics

Address: 20, Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russian Federation

Abstract

Social innovation is acknowledged as one of the most promising tools of civic engagement and cross-sector partnerships to address social problems. It benefits society by improving its ability to organize and act and represents a new model of interaction between the state and civil society in addressing social problems.

The article assesses the capacities and actual input of the Russian third sector (non-government not-for-profit organizations, or NGOs) in developing social innovation. It considers the essence of social innovation, discusses the critical role of the third sector as a favorable environment for the production of such innovation, and describes structural characteristics of third sector organizations which allow them to play a subjective role in developing and promoting innovative solutions in the social sphere. Based on empirical data on the state of Russia's third

sector and civic participation in NGOs, certain conclusions are made about the potential of the sector as a driver of innovation.

We argue that the domestic third sector cannot be regarded as institutionally mature and ready for the production and dissemination of social innovation. In this respect, it is much inferior to European and American counterparts. Innovative initiatives developed by individual citizens as well as by NGOs are rather fragmented. Additional efforts are required to enhance their viability and replicability. Nevertheless, in spite of some inconsistencies, the dynamics of the third sector development and supportive public policies are in general going in the right direction. Policies in this field aim to create favorable conditions for NGOs and thereby strengthen their capacities in facilitating innovative changes in the social sphere.

Keywords

social innovation; non-profit non-governmental organizations; civil society; civic participation; social sphere; state social policy

Citation

Krasnopolskaya I., Mersiyanova I. (2014) Civil Society as an Environment for Production and Diffusion of Social Innovation. *Foresight-Russia*, vol. 8, no 4, pp. 40–53.

References

- Agency for Social Information (2011) *Sotsial'no orientirovannye NKO: lutchshie praktiki (prakticheskoe posobie)* [Socially Oriented NGOs: Best Practices (A practical guide)], Moscow: Agentstvo sotsial'noi informatsii.
- Alcock P., Kendall J. (2014) *Innovation or Isomorphism? Tensions and Paradoxes in Third Sector Organisational Development*. Paper presented at the 11th International ISTR Conference, July 22–25, Muenster, Germany.
- Anheier H.K. (2005) *Nonprofit organizations: Theory, management, policy*, London: Routledge.
- Anheier H.K., Krlev G., Preuss S., Mildemberger G., Bekkers R., Mensink W., Bauer A., Knapp M., Wistow G., Hernandez A., Bayo A. (2014) *Social Innovation as Impact of the Third Sector* (A deliverable of the project "Impact of the Third Sector as Social Innovation" (ITSSOIN), European Commission – 7th Framework Programme), Brussels: European Commission.
- Archibugi D., Iammarino S. (2002) The Globalization of Technological Innovation: Definition and Evidence. *Review of International Political Economy*, vol. 9, no 1, pp. 98–122.
- Bekkers V., Edelenbos J., Steijn B. (2011) *Innovation in the Public Sector: Linking Capacity and Leadership (Governance and Public Management)*, New York, Palgrave McMillan.

- Bekkers V., Tummers L., Stuijzand B., Voorberg W. (2013) *Social Innovation in the Public Sector: An Integrative Framework* (LIPSE Working Paper no 1), Rotterdam: Erasmus University Rotterdam.
- Bloch C. (2010) *Measuring Public Innovation in the Nordic Countries: Copenhagen Manual*, Aarhus: The Danish Centre for Studies in Research and Research Policy.
- Branden T., Dekker P., Evers A. (eds.) (2010) *Civiness in the Governance and Delivery of Social Services*, Baden-Baden: Nomos Publishers.
- Bund E., Hubrich D.-K., Schmitz B., Mildenerger G., Krlev G. (2013) *Paving the Way to Measurement — A Blueprint for Social Innovation Metrics. A Short Guide to the Research for Policy Makers* (A deliverable of the project: “The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe” (TEPSIE), European Commission — 7th Framework Programme), Brussels: European Commission, DG Research.
- Civil Fund (2013) *Tretii sektor v Rossii: tekushchee sostoyanie i vozmozhnye modeli razvitiya* [The Third Sector in Russia: Current Status and Possible Development Model], Moscow: Civil Society Development Foundation. Available at: http://civilfund.ru/mat/view/20#_ftnref9, accessed 08.06.2013.
- Crepaldi C., De Rosa E., Pesce F. (2012) *Literature Review on Innovation Social Services in Europe* (InnoServ — Innovative Social Services Platform Project Report), Brussels: European Commission.
- Davies A., Caulier-Grice J., Norman W. (2012) *Introduction to Innovation: A Literature Review of the Methods and Policies for Innovation* (A deliverable of the project: “The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe” (TEPSIE), European Commission — 7th Framework Programme), Brussels: European Commission, DG Research.
- Dekker P. (2009) Civiness: From civil society to civic services? *Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations*, vol. 20, no 3, pp. 220–238.
- DIISR (2011) *Working towards a measurement framework for public sector innovation in Australia* (A draft discussion paper for the Australian Public Sector Innovation Indicators Project), Canberra: Department of Innovation, Industry, Science and Research Australia.
- Edwards M. (2011) Introduction: Civil society and the geometry of human relations. *The Oxford handbook of civil society* (ed. M. Edwards), Oxford University Press.
- Eurofound (2013) *Social innovation in service delivery: New partners and approaches*, Dublin: European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions.
- European Commission (2011) *Empowering people, driving change: Social innovation in the European Union*, Luxembourg: Publications of the European Union.
- European Commission (2012a) *The Young Foundation, Social Innovation Overview* (A deliverable of the project: “The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe” (TEPSIE), European Commission — 7th Framework Programme), Brussels: European Commission, DG Research.
- European Commission (2012b) *Europe 2020: Europe’s growth strategy*, Brussels: European Commission.
- European Commission (2014) *Regional Innovation Scoreboard*, Brussels: European Commission.
- Evers A., Ewert B. (2012) *Social Innovations for Social Cohesion. On Concepts and First Findings of a Cross-country Study*. Paper presented at 10th Annual ESPAnet conference, September 6–8, Edinburgh, UK.
- Grimma R., Foxa C., Baines S., Albertson K. (2013) Social innovation, an answer to contemporary societal challenges? Locating the concept in theory and practice. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, vol. 26, no 4, pp. 436–455.
- Guinet J., Meissner D. (2012) Otkrytie innovatsii: efekty dlya korporativnykh strategiy, gosudarstvennoy politiki i mezhdunarodnogo “peretoka” issledovaniy i razrabotok [Open Innovation: Implications for Corporate Strategies, Government Policy and International R&D Spillovers]. *Foresight-Russia*, vol. 6, no 1, pp. 26–36.
- Hochgerner J. (2011) *Social Innovation. A Call for Broadening of the Innovation Paradigm*. Paper presented at the Capacity Building on Social Innovation Research and Management in South East Europe Conference, May 4. Available at: https://www.zsi.at/object/publication/1598/attach/Hochgerner_Ohrid_03-05-2011.pdf, accessed 15.10.2014.
- HSE (2008) *Faktory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodeistviya s gosudarstvom* [Issues of civil society development and the mechanisms of its interaction with the state] (ed. L. Yakobson), Moscow: Vershina.
- HSE (2010) *Philanthropy in Russia: Public Attitudes and Participation* (eds. I. Mersiyanova, L. Yakobson), Moscow: HSE.
- Hughes A., Moore K., Katarina N. (2011) *Innovation in Public Sector Organisations: A pilot survey for measuring innovation across the public sector*, London: NESTA.
- Huizingh E. (2011) Open innovation: State of the art and future perspectives. *Technovation*, vol. 31, pp. 2–9.
- INSEAD (2012) *The Global Innovation Index 2012. Stronger Innovation Linkages for Global Growth* (ed. S. Dutta), Fontainebleau: INSEAD.
- Johns Hopkins University (2004) *Global civil society: Dimensions of the nonprofit sector* (vol. 2) (eds. L.M. Salamon, H.K. Anheier, R. List, S. Toepler, S.W. Sokolowski), Bloomfield: Kumarian Press.
- Kattel R., Cepilovs A., Drechsler W., Kalvet T., Lember V., Tõnurist P. (2012) *Can we measure public sector innovation? A literature review* (LIPSE Project Paper. WP 6 Social innovation indicators), Tallinn: Tallinn University of Technology.
- Kelley D.J., Singer S., Herrington M. (2011) *Global Entrepreneurship Monitor (GEM) Global Report 2011*, Global Entrepreneurship Research Association.
- Kolosnitsyna M., Kiseleva V. (2008) *Gosudarstvennoe regulirovanie innovatsionnoi sfery* [State Regulation in Innovation], Moscow: HSE.
- Loveridge D. (2009) *Foresight: The Art and Science of Anticipating the Future*, New York, London: Routledge.
- Mersiyanova I. (2013) Doverie i nedoverie v grazhdanskom obshchestve [Trust and distrust in civil society]. *Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva* [Trust and distrust in the context of the developing civil society] (eds. A. Kupreitchenko, I. Mersiyanova), Moscow: HSE, pp. 170–197.

- Mersiyanova I., Yakobson L. (2007) *Negosudarstvennye nekommercheskie organizatsii: institucional'naya sreda i effektivnost' deyatel'nosti* [Non-governmental non-profit organizations: Institutional environment and performance], Moscow: HSE.
- Mersiyanova I., Korneeva I. (2011) *Vovlechennost' naseleniya v neformal'nye praktiki grazhdanskogo obshchestva i deyatel'nost' NKO: regional'noe izmerenie* [The citizens involvement in the informal practices of civil society and NGO activities: Regional dimension], Moscow: HSE.
- Ministry of Economic Development (2012) *Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda* [Innovative Development Strategy for the Russian Federation until 2020], Moscow: Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Available at: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20120210_04, accessed 28.06.2014.
- Moore M., Harley J. (2008) Innovations in Governance. *Public Management Review*, vol. 10, no 1, pp. 3–20.
- Moulaert F., Martinelli F., Swyngedouw E., Gonzalez S. (2005) Towards Alternative Model(s) of Local Innovation. *Urban Studies*, vol. 42, no 11, pp. 1969–1990.
- Noelle-Neumann E. (1996) *Obschestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchania* [Public opinion: The spiral of silence], Moscow: Progress Academy, Ves Mir.
- Nonprofit Foundation (2013) *Luchshie praktiki sotsial'no orientirovannykh NKO Yaroslavskoi oblasti — 2013* [Best practices of socially oriented NGOs in Yaroslavl region — 2013], Nonprofit Foundation for Civil Society Development. Available at: http://csp-yar.ru/images/stories/files/spravochnik_nko.pdf, accessed 24.03.2014.
- Nordic Council of Ministers (2009) *Nordic Innovation Monitor 2009*, Copenhagen: Nordic Council of Ministers, FORA.
- OECD (2002) *Frascati Manual: Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development*, Paris: OECD.
- OECD (2011) *Science, Technology and Industry Scoreboard 2011*, Paris: OECD.
- OECD, Eurostat (2005) *Oslo Manual: Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data*, Paris: OECD, Eurostat.
- Osborne S., Brown K. (2005) *Managing change and innovation in public service organizations*, London: Routledge.
- Patel M., Sotsky J., Gourley S., Houghton D. (2013) *The Emergence of Civic Tech: Investments in a Growing Field*, Miami, FL: Knight Foundation. Available at: http://www.knightfoundation.org/media/uploads/publication_pdfs/knight-civic-tech.pdf, accessed 04.06.2014.
- Rijnhout L., Lorek S. (2011) *EU Sustainable lifestyles roadmap and Action Plan 2050. Pathways for enabling social innovation and behaviour change*, Brussels: European Commission. Available at: <http://www.sustainable-lifestyles.eu/fileadmin/images/content/Roadmap.pdf>, accessed 20.10.2014.
- Rogers E.M. (2003) *Diffusion of Innovations* (5th ed.), New York: Free Press.
- Roper S., Hales C., Bryson J.R., Love J. (2009) *Measuring sectoral innovation capability in nine areas of the UK economy. Report for NESTA Innovation Index project*, London: NESTA.
- Rubalcaba L. (2011) The challenges for service innovation and service innovation policies. *Promoting Innovation in the Services Sector. Review of Experiences and Policies*, New York, Geneva: United Nations, pp. 3–29.
- Salamon L.M., Anheier H.K. (1997) *Defining the nonprofit sector: A cross national analysis*, Manchester: Manchester University Press.
- Schumpeter J.A. (1942) *Capitalism, socialism and democracy* (1st ed.), New York: Harper.
- Schwartz P. (1996) *The Art of the Long View*, New York: Doubleday.
- Stephan U. (2010) *Innovation in European Social Enterprises. Preliminary Findings from the SELUSI survey*, Brussels: European Commission. Available at: http://www.uis.no/getfile.php/Forskning/Senter%20for%20Innovasjonsforskning/stephan_Innovation_in_SE_7-june-2010.pdf, accessed 20.10.2014.
- Vedres B., Stark D. (2010) Structural Folds: Generative Disruption in Overlapping Groups. *American Journal of Sociology*, vol. 115, no 4, pp. 1150–1190.
- Verkhovskaya O., Dorokhina M. (2012) *Natsional'nyi otchet «Global'nyi monitoring predprinimatel'stva. Rossiya 2012»* [Global Entrepreneurship Monitor. Russia 2012 (National Report)], Saint-Petersburgh: Higher School of Management, Saint-Petersburgh University.
- Verschuere B., Brandsen T., Pestoff V. (2012) Co-production: The State of the Art in Research and the Future Agenda Co-production of Public Services. *Voluntas*, vol. 23, pp. 1083–1101.
- Volkov D. (2011) Rost obshchestvennoi aktivnosti v Rossii: stanovlenie grazhdanskogo obshchestva ili otcherednoi tupik? [The growth of social activism in Russia: The development of civil society, or another dead end?]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], no 2 (108), pp. 8–28.
- Voorberg W., Bekkers V., Tummers L. (2013) *Co-creation and Co-production in Social Innovation: A Systematic Review and Future Research Agenda*. Paper presented at the EGPA Conference, Edinburgh, September 11–13. Available at: <http://lipse.org/userfiles/uploads/Co-creation%20and%20Co-production%20in%20Social%20Innovation%20-%20a%20Systematic%20Review%20and%20Research%20Agenda,%20Voorberg,%20Bekkers%20&%20Tummers.pdf>, accessed 27.05.2014.
- Yasin E. (2007) Modernizatsiya i obshchestvo [Modernization and society]. *Voprosy ekonomiki*, no 5, pp. 4–29.
- Zadorin I.V., Zaitsev D.G., Rimskii V.L. (2009) *Kratkosrotchnoe stsennarnoe prognozirovanie razvitiya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: Itogoviye analiticheskie doklady* [Short-term scenario forecasting the development of civil society in Russia: Final analytical report], Moscow: ANO "Sotsiologicheskaya masterskaya Zadorina". Available at: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3b9/090530.pdf>, accessed 13.06.2013.
- Zaytseva A., Shuvalova O. (2011) Novye aktsenty v razvitiy innovatsionnoy deyatel'nosti: innovatsii, initsiiuemye pol'zovatelyami [Changing Emphases in Innovation Activity: User Innovation]. *Foresight-Russia*, vol. 5, no 2, pp. 16–32.
- Zhuravlev A. (2002) Nekotorye priznaki gruppovogo sub'ekta [Some features of group subject]. *Psikhologiya individual'nogo i gruppovogo sub'ekta* [Psychology of individual and group subject] (eds. A. Brushlinskii, M. Volovikova), Moscow: PER SE, pp. 64–70.